

Новая Польша 4/2015

0: СОСТАВ ДЛЯ ЖИРОВАНИЯ

Чем пахнет преступление шестьдесят лет спустя? Прежде всего, от него разит химией.

Например, восемьдесят с лишним тысяч пар обуви, принадлежавшей узникам, убитым в концлагере Освенцим-Биркенау, пахнут копытным маслом. Это вещество, изготовляемое из копыт животных, отдает давно прогорклым жиром. Отлично сохраняет кожу.

К маслу добавляют ланолин — животный воск, получаемый при промывании овечьей шерсти. Приятный аромат — похоже на косметику или стиральный порошок.

Еще лаковый бензин. Тяжелый химический запах.

Так получают состав для жирования. Им натирают обувь.

Обувь пахнет иначе, чем чемоданы, в которых евреи привозили свое имущество. В музее говорят, что обувь сохранила больше человеческих запахов. Потому что она заношена, в нее впитывалась кровь, в ней потела нога. А чемодан? Кто-то подержал его за ручку. И всё.

Дверцы печей крематория, длинные кочерги, которыми передвигали обуглившиеся трупы, металлические «глазки», при помощи которых эсесовцы проверяли, неподвижны ли тела в газовой камере — пахнут паралоидом Б-44 или космолоидом, иначе называемым микрокристаллическим воском. Это запах растворителя. Растворители позволяют сдерживать коррозию.

Есть еще запах старых документов, истлевших банкнотов, которые прятали под подошвой, бумажных вкладышей для обуви, писем из лагеря. Резкий запах металлических ложек, выгнувшихся от жара. Ржавых ножниц, ножей, вилок...

Все ароматы смешиваются в реставрационной мастерской музея в Освенциме. Это одна из самых современных лабораторий подобного рода в Европе. В стерильных помещениях, выложенных белой плиточкой, группа молодых людей сохраняет для будущего материальные следы преступления.

Ни кафель, ни свежевыкрашенные стены не пахнут. Реставраторы ходят в белых халатах. Ничто не заглушает ароматы кожи, металла, химии. Пахнут коврики, которые узницы стелили на пол в бараках, пахнут старые карты и пленка, которой они были покрыты. Фрагменты материи лежат на столах, словно тела в операционной.

Кому принадлежал этот ботинок?

В последние два года больше всего усилий требует обувь. Та, которую в пятом блоке можно увидеть через стекло. Она сохранилась, потому что немцы не успели ее вывезти или сжечь. Обувь лежала в Бжезинке, в грязи, где в январе 1945 года ее обнаружили русские.

Начиная с 2003 года реставраторы занимались взрослой обувью. Теперь через их руки проходят детские ботиночки.

Павел Квек, Кшиштоф Коляса и Лукаш Вуйчик сидят на табуретках вокруг горы обуви. Склонившиеся, со скребками в руках, они напоминают поваров, которые чистят картошку. Помещение заполняет удушливый запах, который быстро проникает в легкие. На лицах маски, но горло все равно щиплет.

— Старость, затхлость, сырость, химия, — перечисляют они компоненты запаха, выковыривая из подошв камешки. Из некоторых ботинок сыплется солома. К другим прилипла грязь. Значит, в газовую камеру ребенок шел под дождем или по лужам.

Еще в обуви попадают опилки. Это память о предшественниках — реставраторах, которые обрабатывали обувь в специальной центрифуге. Бросали во вращающуюся бочку, наполненную опилками, мелким гравием,

кедровым маслом и ланолином. Обувь отлично пропитывалась, но при этом деформировалась, поэтому ее стали реставрировать вручную.

Павел Квек: «Здесь нельзя слишком задумываться. Поначалу я брал ботинок в руку и гадал, кому он мог принадлежать. Кому подходил по размеру. Но так невозможно, это мешает работе. Я приспособился, ничего...»

Они выковыривают камешки и опилки, вытряхивают пыль. Каждый день, семь часов подряд — так что поневоле начинают болтать. Сидя вокруг горы обуви, они обсуждают девушек, вечеринки, происшествия в городе.

Бывает, что-нибудь находят. Вот, например, недавно — упаковку от крема «Нивея» и вкладыш, сделанный из контрольной по математике, в детском ботинке — на листочке отчетливо видны столбики цифр.

Порой их болтовня напоминает разговоры подмастерьев сапожника. Что, мол, по обуви можно определить социальное положение жертв. Ботинки из дешевого материала вперемешку с обувью из хорошо выделанной кожи. Некоторые дамские туфли и сегодня выглядят шикарно, видно, что за них заплачены немалые деньги.

Или что та обувь тяжелее сегодняшней. Кожа толще, хуже выделана, твердая, как камень, в подошвах много гвоздей, подковаков, пряжек.

Что деревянная обувь деревянной обуви рознь. Бедняки были вынуждены ходить на неудобных подошвах из цельного куска дерева, а те, что преуспели больше, шли в газовую камеру на подошвах из нескольких кусочков дерева, соединенных полосками кожи и ткани. В таком башмаке нога была гибче.

Очень редко попадается щегольской ботинок — на подошве из искусственного материала.

Матерчатые туфли сдались первыми. Спустя шестьдесят лет ткань вся в дырках, расползается в руках. Поедена молью. Кое-где можно обнаружить личинки.

Ребята заполняют очередной ящик. Ботинок салатового цвета, к шнурку привязана красная ленточка — может, в нем бежала в газовую камеру девятилетняя Фелиция Гольд, аж до 1944 года успешно прятавшаяся в лодзинском гетто? А может, одна из сестер Пап? Или Ливия, Эрика? Или одна из близняшек Фукс? Ботиночек, обшитый толстой драпкой — носил ли его трехлетний венгр Дьюрика Кальдор, а может, маленький бельгиец Бернар Вайланд?

Тенниски, кеды, туфли... Некоторые очень неплохо сохранились. Только вблизи видно, что все они выкручены и выгнуты, словно шестьдесят с лишним лет назад их сводило судорогой.

***

Мирослав Мацящик и Томаш Ижик, старшие реставраторы мастерской, могли бы пройти по музею в Освенциме с завязанными глазами. Некоторые места они узнают носом.

Например, блоки, открытые для посетителей, отличаются по запаху от тех, в которые туристов не пускают. В воздухе закрытых блоков витают старость и страдание. Что это значит — пахнет страданием? Это как будто в тяжелом воздухе застыли крики женщин, подвергавшихся гинекологическим экспериментам, или звуки побоев. Запах истязаний.

В блоках, которые уже шестьдесят лет стоят запертыми, воздух густ и неподвижен. В блоках, по которым ходят туристы, воздух другой. Дверь открывается и закрывается, порой возникает сквозняк, люди приносят запахи своих духов, свежего пота, ароматы завтрака и обеда.

Химией больше всего пахнет в четвертом блоке, где хранятся две тонны волос. Пахнет до такой степени, что людей чувствительных начинает тошнить.

Томаш Ижик: «Я бывал во многих местах, где пахло затхлостью и сыростью, но нигде воздух не казался таким тяжелым, как здесь, в закрытых блоках».

— Это запах лагеря. Так пахнет смерть, — добавляет Кшиштоф Коляса.

***

Ящик с ботинками отправляется дальше, через два помещения отсюда. Запах пыли и затхлости ощущается здесь слабее, потому что его заглушает аромат состава для жирования.

Среди ящиков сидят три веселые двадцатилетние девушки. Они болтают о парнях, покупках, погоде. Склонившись над столом, передают друг другу один ботинок за другим. Сильвия Кохан промывает каждый специальным реставрационным мылом. Сильвия Сикорская вытирает, а Агнешка Шершень при помощи кисточки наносит состав для жирования.

— Вот, сравните, — удовлетворенно замечает Агнешка, демонстрируя пару ботинок. На одном кожа мертвая, а на втором, с которым поработали реставраторы — сверкает живым блеском. — Когда они высыхают, выглядят, как новенькие. Восстанавливается цвет. Некоторые туфли даже носить можно было бы.

У девушек память лучше, чем у молодых людей. Они запоминают отдельные экземпляры. Когда они только начали работать в реставрационной мастерской, через их руки проходила взрослая обувь. Больших размеров. И вдруг случайно попался сандалик со следами детских пальцев, словно только что снятый с маленькой ножки...

Или вот этот ортопедический ботиночек, размер 20, на корковой подошве. Мальчик, должно быть, хромотал, когда шел в газовую камеру.

Нет, они не плакали, неправда. Наверное, какие-то другие девушки. Они пришли сюда не ради сантиментов, а чтобы работать.

Они записывают названия обувных фабрик, которые можно прочесть на внутренней стороне голенища. Десятки названий и адресов: «Роял», «Липсия», «А.Выпышинский, Варшава, Нецала, 5», «Синдерелла», «Гаага — Амстердам», «Паризия», «Мастерская элегантной обуви, Антоний Шея, Лодзь, ул. Пётрковская, 96»...

Внимательно осматривают туфли на каблуке или на платформе. Порой кто-нибудь вздохнет с сожалением — такие модели уже не выпускают. Девушки не любят высокие сапоги — их сложно чистить. Сильвии Кохан запомнилась туфля из змеиной кожи, изготовленная на фабрике «Дермата». Ее явно носила какая-нибудь модница. Она так красиво блестела после жирования, так красиво...

***

Большинство реставраторов живут в городе Освенцим или его окрестностях. С раннего детства — бок о бок с лагерем. Это неотъемлемая часть их мира. Те, что постарше, еще, возможно, играли в войну в здании Старого театра, где немцы хранили газ «циклон Б». Это было изумительное место для игр. Поколение их родителей помнит, как пахло из кондитерской, расположенной на территории бывшего лагеря. Грибники очень уважают леса вокруг лагеря в Бжезинке.

Томаш Ижик, год рождения 1979: «Мы привыкли к лагерю. Горы обуви все мы не раз видели через стекло. И вдруг стекло исчезает, а мы оказываемся по другую сторону. Берем ботинки в руки, прикасаемся к старой коже. Нет множества, есть конкретные предметы, принадлежавшие конкретным людям. История распадается на индивидуальные судьбы. Ты задумываешься, на какую ногу годился этот ботинок, какой ребенок в нем ходил. Конечно, в какой-то момент нужно сказать себе: «стоп». Если хочешь здесь работать, следует сосредоточиться исключительно на материи. Это не равнодушие, а необходимость. У нас тут другие задачи: определить, в каком состоянии вещь, как можно ее очистить, законсервировать, сохранить. Мне нравится, в три часа дня я сажусь в машину и еду домой. Стараюсь оставлять мысли об обуви здесь».

Главный реставратор Витольд Смрек работает в лагере двадцать лет. Он не рассуждает о трагедиях, нравственности, величайшем преступлении в истории человечества. Подобно своим подчиненным, избегает громких слов. Предпочитает отвести в угол коридора, где на нескольких стендах, в покое, спрятанное от глаз посетителей, хранится то, что было обнаружено во время реставрации. Витольд Смрек в который уже раз разглядывает брошки в виде продуктовых карточек (на одной сохранилась надпись: «В День матери от Сали»), окаменевший кусочек хлеба, найденный в одной из сторожевых будок, бутылка, компасы, медальоны-бессмертники пленных, шомпола винтовок, крошки оплавленного стекла из бараков возле так называемой «Канады»